

Ковалёва Дина Петровна

бакалавр, старший преподаватель

Ишкова Екатерина Валерьевна

канд. психол. наук, доцент, преподаватель

Каменская Диана Сергеевна

студентка

Савелова Мария Викторовна

студентка

Спильник Виктория Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-154548

РАССТРОЙСТВА АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: РИСК ВОВЛЕЧЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СЕКТЫ И РАДИКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

***Аннотация:** в статье раскрывается проблема уязвимости лиц с расстройствами аутистического спектра к вовлечению в секты и радикальные группы. Анализируются ключевые признаки сект и радикальных объединений, а также особенности подростков с РАС, формирующие особую структуру риска. Описывается трансформация классических методов контроля сознания применительно к лицам, имеющим РАС. На основе проведенного анализа создан комплекс практических рекомендаций для родителей, психологов и педагогов по профилактике деструктивного влияния.*

***Ключевые слова:** лица с расстройствами аутистического спектра, подростки, уязвимость, социальная изоляция, деструктивная секта, радикальные группы, профилактика.*

Проблема вовлечения граждан в деструктивные сообщества, секты, экстремистские и террористические организации является одной из серьезных угроз

национальной безопасности и социальной стабильности. Из таких сообществ можно выделить секты и радикальные группы.

Деструктивная секта – это авторитарная (религиозная или псевдорелигиозная) организация, возглавляемая харизматическими лидерами, которая посредством манипулятивных методов вовлечения и контроля полностью подчиняет себе личную, финансовую и духовную жизнь своих членов, нанося ущерб их личности и обществу в целом. Исследование Зарубиной Р. В. позволяет выделить следующие основные признаки деструктивной (тоталитарной) секты.

1. Наличие харизматического лидера («гуруизм»): культ личности обожествленного руководителя или самой организации, который представляет собой связь с Богом.

2. Тотальный контроль сознания: использование изоциренных психотехнологий и манипуляций для подавления воли и личности адепта (сторонник секты, вовлеченное лицо).

3. Обман при вербовке: сокрытие истинных целей и вероучения на начальном этапе, введение в заблуждение относительно деятельности организации.

4. Информационная блокада: контроль поступающей к членам информации, цензура, запрет на критику и изучение альтернативных точек зрения.

5. Разрыв социальных связей: принуждение к изоляции от семьи, друзей и общества, запрет на общение с «внешним миром».

6. Финансовая эксплуатация: лишение адептов имущества и средств, полный контроль над их финансами (часто является скрытой целью создания секты).

7. Наличие тайных учений и уровней посвящения: информация делится на дозированные порции, доступ к истинным целям открывается только на поздних этапах.

8. Претензия на исключительность и мировое господство: стремление к тотальному контролю над всеми сферами жизни человека и миром в целом [1].

Радикальной социальной группой же является устойчивое и структурированное объединение, проповедующее крайние, оппозиционные обществу взгляды и нормы, чьи групповые интересы и цели (политические, национальные,

религиозные) противоречат интересам других социальных групп и общества в целом, для реализации которых члены готовы применять жесткие, в том числе противоправные методы, оказывая деструктивное влияние на личность.

Исследование К.М. Романова позволяет выделить следующие основные признаки радикальных групп.

1. Оппозиционность и асоциальность целей: в группах проповедают крайние взгляды, а их интересы противоречат интересам других групп и общества (например, ущемление прав людей другой национальности).

2. Аморальность способов достижения целей: использование жестких средств, готовность переступать через нравственные и правовые нормы.

3. Поляризация сознания: четкое разделение мира на «своих» и «чужих», культивирование образа врага и чувства отчужденности от общества.

4. Жесткая структура и харизматический лидер: наличие яркого лидера и руководящей элиты, которые определяют стратегию, идеологию группы.

5. Высокая сплоченность и монолитность: группа действует как единый «социальный организм», где все члены подчинены общей задаче.

6. Устойчивость и контроль: наличие технологий вербовки и удержания членов (психологическое и физическое давление, групповые санкции) [4].

Вербовщики проявляют особый интерес к молодежи как к наиболее уязвимой и социально активной части населения. Этот возраст является сензитивным периодом для поиска идентичности и социального признания. Особую группу риска, требующую внимания психологов и педагогов, составляют подростки с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Согласно диагностическим критериям (DSM-5 и МКБ-10), расстройства аутистического спектра представляют собой группу нарушений нервно-психического развития, характеризующихся устойчивым дефицитом в сфере социальной коммуникации и взаимодействия, а также поведенческими и двигательными стереотипиями.

Глубокое понимание специфических психологических характеристик РАС, которые могут повышать риск их вовлечения в секты, радикальные группировки,

необходимо для выстраивания эффективной профилактической работы, направленной на защиту прав и благополучия таких подростков. Проведение работы с лицами, имеющими наибольшую уязвимость к влиянию со стороны деструктивных групп, позволит предотвратить множество трагедий.

Специфический когнитивный и социальный профиль личности при РАС может выступать в роли «почвы», на которой манипулятивные техники вербовщиков дают быстрые «всходы». Чтобы понять причины такой уязвимости, необходимо рассмотреть особенности, которые проявляются при таких нарушениях.

Исследователи в области судебной психиатрии З. Аль-Аттар и К. Элли выделяют ряд отличительных черт, которые в социальном контексте могут стать «мишенями» для вербовщиков:

1. Ограниченные, повторяющиеся интересы. Человек может годами глубоко и детально изучать одну узкую тему. Вербовщикам удобно использовать интересы в своих манипуляциях. Если интерес лица с РАС пересекается с тематикой группы, возникает ощущение легитимности его увлечённости. В такой среде его знания не просто ценят – они становятся фундаментом новой идентичности. То, что в обществе могли счесть «странностью», в рамках секты превращается в «особую миссию».

2. Подростки, страдающие от расстройств аутистического спектра, испытывают значительные сложности в распознавании социальных сигналов, мимики, подтекста и иронии. Им трудно понимать истинные намерения собеседника, особенно если те замаскированы под дружелюбие и заботу. Эта социальная «наивность» делает человека крайне уязвимым для манипуляций. Вербовщик, демонстрируя ложное принятие и дружелюбие, легко завоевывает доверие. Подросток с РАС может искренне не замечать подтекста в поведении новых «друзей», их противоречивых заявлений или скрытых попыток контроля. Он воспринимает коммуникацию буквально, что позволяет вербовщику использовать классические техники манипулирования.

3. Молодые люди с такими нарушениями часто сталкиваются с травлей, непониманием и отвержением в школе, на работе и в обществе в целом. Предвзятость окружающих приводит к тому, что даже квалифицированные специалисты могут воспринимать человека с аутизмом как менее «приятного» или «компетентного» только из-за его особенностей. Это закономерно приводит к глубокому чувству одиночества и желанию найти «свое место». Онлайн-сообщества, в том числе экстремистские, нередко становятся для подростков с расстройствами аутистического спектра первой средой, в которой они ощущают принятие.

Согласно современным исследованиям, интернет-сообщества предоставляют им структурированное коммуникационное пространство и возможность взаимодействовать без необходимости интерпретировать сложные невербальные сигналы. Группа, которая демонстрирует уважение, предлагает дружбу и разделяет «особый» интерес человека, быстро приобретает для него статус референтной. Вербовщики целенаправленно используют «фактор принадлежности», предлагая то, чего человек был лишён в реальной жизни [6].

Также стоит отметить, особую потребность лиц с РАС в структурированности, планировании, «жизни по расписанию», что дает человеку стойкое ощущение безопасности. Секты и радикальные группы дают четкие указания и правила поведения, имеют строгую идеологию, благодаря чему создается ощущение предсказуемости, что позволяет снизить тревогу уже вовлеченному человеку.

Когнитивный и социальный профиль таких лиц формирует специфическую структуру уязвимости. Анализ литературы по психологии деструктивных культов (Р. Лифтон, С. Хассен) позволяет выделить универсальные методы контроля сознания, однако при взаимодействии с человеком, имеющим нарушения, эти методы приобретают особую специфику и эффективность, попадая в подготовленную расстройством «почву».

Рассмотрим, как классические этапы и методы вовлечения трансформируются применительно к лицам с РАС [3].

Этапы первичного вовлечения и закрепления.

1. Первый этап: отказ от прошлого. Здесь человека убеждают, что вся его прошлая жизнь была ошибкой, а прежние связи (семья, друзья) – враждебны. Для подростка с особенностями, который часто сталкивается с травлей и непониманием в школе и любом другом окружении, этот этап проходит менее болезненно, чем для нейротипичных людей. У него уже может быть сформировано негативное отношение к миру. Предложение секты считать «истинной семьей» группу единомышленников (где часто используется семейная терминология – «брат», «сестра», «папа») находит благодатную «почву», так как удовлетворяет давнюю потребность в принятии, которую не смог дать прежний социум.

2. Второй этап: разделение сознания и воли. В классическом варианте реализуется через мантры, медитации, изнурительный труд и лишение сна, чтобы у человека не оставалось времени на критическое осмысление.

Здесь, для подростка с расстройством аутистического спектра срабатывает эффект сенсорной и эмоциональной перегрузки, он может быть более чувствителен к ритмическим повторениям (стереотипии), и мантра может легче встраиваться в его когнитивные процессы. Кроме того, требование постоянно находиться на людях и отсутствие личного пространства (проживание в общежитиях) пагубно влияет на потребность в уединении и сенсорной разгрузке, что приводит к быстрому истощению и, как следствие, росту внушаемости. Воля подавляется не только идеологически, но и через сенсорный дискомфорт.

3. Третий этап: индоктринация. На фоне отречения от прошлого и подавленной воли начинается массивное внушение новой доктрины.

Потребность в структуре и однозначности для человека с аутистическим расстройством делает этот этап крайне эффективным. Строгая доктрина с четкими правилами и запретами воспринимается не как насилие, а как долгожданный порядок. Задания по изучению трудов лидера могут идеально совпадать со

склонностью к гиперфиксациям и коллекционированию информации. Подросток с РАС может выполнять их с большим усердием, чем нейротипичный адепт, так как сам процесс погружения в тему доставляет ему удовольствие.

Система контроля сознания, описанная Р. Лифтоном и С. Хассеном, в каждом своем элементе находит у лиц с РАС особый отклик.

1. Контроль окружения и информации.

Интернет-коммуникация часто предпочтительнее для таких подростков. Контроль окружения легко осуществляется в цифровой среде, где вербовщики создают для него «структурированное коммуникационное пространство». Изоляция от семьи может быть менее травматичной, если отношения с родственниками и так были формальными или отвергающими. Ограничение доступа к некультурной информации (запрет на телевидение, газеты, любые другие СМИ) не воспринимается как потеря, так как молодой человек мог и раньше не проявлять к ним повышенного интереса.

2. Контроль мышления: «Святая наука» и доктрина выше личности.

Склонность к черно-белому мышлению делает человека с расстройством аутистического спектра идеальным адептом. Тезис «наше учение – абсолютная истина, все остальное – ложь» не вызывает у него когнитивного диссонанса, так как он сам часто мыслит в рамках бинарных оппозиций.

3. Контроль эмоций: Культ исповеди и «бомбардировка любовью» [5].

В классическом понимании это навязывание чувства вины через публичные исповеди, чередование наказаний и демонстративной «любви».

С одной стороны, эмпатия при данном расстройстве может быть снижена или искажена, что делает чувство вины перед другими людьми менее глубоким. Однако вина может быть сформирована как нарушение правила. «Бомбардировка любовью» работает безотказно, потому что человек с РАС, в силу социальной наивности, не распознает в ней манипуляцию и принимает за чистую монету.

4. Мистическое манипулирование и фабрикация «чудес».

Подростки с расстройствами аутистического спектра могут быть менее склонны к мистическому мышлению, но более склонны к вере в формальную логику и доказательства, если они преподносятся в убедительной форме. Им могут быть предложены псевдонаучные обоснования доктрин, которые выглядят как логичная система, что очень привлекательно для вступившего.

В целях минимизации описанных рисков и выстраивания эффективной системы защиты таких подростков от деструктивного влияния составлен список практических рекомендаций.

Для родителей и ближайшего окружения.

1. Создание «безопасного тыла». Важнейшей профилактической мерой является формирование дома атмосферы безусловного принятия, где особенности подростка не осуждаются, а учитываются. Чем выше уровень принятия и понимания в семье, тем ниже потребность искать иллюзию понимания в интернет-сообществах.

2. Легитимизация и развитие интересов. Не запрещать «особые интересы», а помогать находить социально приемлемые и безопасные способы их реализации: тематические клубы, онлайн-курсы, проектная деятельность, сообщества по интересам под контролем взрослых.

3. Обучение распознаванию манипуляций. Развивать критическое мышление нужно на конкретных, буквальных примерах. Использовать истории для отработки сценариев обмана, анализировать рекламу, мотивы героев фильмов, обсуждать, чем искренняя дружба отличается от «бомбардировки любовью».

4. Мониторинг цифровой среды. Интересоваться онлайн-сообществами, в которых состоит подросток, без тотальной слежки и запретов. Обращать внимание на тревожные маркеры: резкая смена круга общения, появление новой жесткой риторики, неологизмов, свойственных определенным группам, нежелание обсуждать новые увлечения.

Для психологов и педагогов.

1. Развитие социальной компетентности. Включать в коррекционные и развивающие программы не только базовые социальные навыки, но и модули развития эмоционального интеллекта, направленные на выявление неискренности, анализ скрытых мотивов и намерений людей.

2. Работа с социальной изоляцией. Регулярно оценивать уровень социальной включенности подростка с РАС. Отсутствие друзей или опыт травли – это не просто «сложности социализации», а прямой фактор риска. Задача специалиста – помочь найти и интегрировать подростка в референтную группу (спортивную, творческую, волонтерскую) под безопасным руководством.

3. Просвещение. Проводить родительские собрания, где обсуждаются специфические риски вовлечения детей с расстройством аутистического спектра в деструктивные сообщества. Родители должны понимать, что уязвимость их ребенка связана не с «глупостью», а с особенностями мышления, и что стандартные методы воспитания не работают.

4. Межведомственное взаимодействие. Психологам и педагогам важно знать о существовании профильных организаций и специалистов, занимающихся реабилитацией жертв культов, чтобы в случае необходимости своевременно направить семью за помощью.

У человека, связывающегося с сектой, изменяются и сужаются все ценностные критерии жизнедеятельности и мировоззрения. Сектант отгораживается от мира и деградирует, что очень опасно, как для самой личности, так и для всего общества [2]. Поэтому профилактика вовлечения лиц с РАС в деструктивные сообщества должна строиться на комплексном подходе, сочетающем развитие критического мышления, укрепление социальных связей и создание безопасной среды, где потребности человека в структуре, принятии и реализации интересов удовлетворяются без риска манипуляции и эксплуатации.

Список литературы

1. Зарубина Р.В. Секты и национальная безопасность / Р.В. Зарубина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. – №1. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sekty-i-natsionalnaya-bezopasnost> (дата обращения: 27.02.2026).

2. Измерова Я.Е. Влияние на подростков деструктивных религиозных сект и коммерческих культов / Я.Е. Измерова // Социальная педагогика. – 2010. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-na-podrostkov-destruktivnyh-religioznyh-sekt-i-kommercheskih-kultov> (дата обращения: 02.03.2026). EDN NCDVLJ

3. Монастырский В.А. Причины ухода, приемы заманивания и особенности психологического воздействия на молодежь в сектах / В.А. Монастырский, Ж.В. Садовникова // Гаудеамус. – 2008. – №13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-uhoda-priemy-zamanivaniya-i-osobennosti-psihologicheskogo-vozdeystviya-na-molodezh-v-sektah> (дата обращения: 28.02.2026). EDN MQPUSX

4. Романов К.М. Радикальные социальные группы как предмет научного анализа / К.М. Романов // Вестник МГУ. – 2014. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalnye-sotsialnye-gruppy-kak-predmet-nauchnogo-analiza> (дата обращения: 27.02.2026).

5. Самойлина Т.Г. Особенности психологического воздействия на сознание и поведение адептов в христианских религиозных сектах / Т.Г. Самойлина // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2008. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskogo-vozdeystviya-na-soznanie-i-povedenie-adeptov-v-hristianskih-religioznyh-sektah> (дата обращения: 28.02.2026). EDN SIWAFB

6. Allely C.S. Autism spectrum disorder, extremism and risk assessment / C.S. Allely, E. Jouenne, A. Westphal [et al.] // Criminal Behaviour and Mental Health. 2024. Vol. 34. No. 2. Pp. 182–196. DOI: 10.1002/cbm.2330. EDN BEDBHQ